

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Е. Ф. Гладун, С. Нистен-Хаарала, С. А. Тулаева, О. В. Захарова

Экономика коренных народов в арктических регионах: традиции и трансформации (на примере России, Финляндии, США)

ГЛАДУН Елена Фёдоровна — канд. юрид. наук, профессор, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Email: e.f.gladun@utmn.ru

НИСТЕН-ХААРАЛА Соили — LL. D, профессор, Университет Лапландии. Адрес: 96101, Финляндия, Рованиemi, почтовый ящик 112.

Email: soili.nysten-haarala@ulapland.fi

Статья посвящена проблеме соотношения экономики и культуры коренных малочисленных народов Севера и рассматривает изменения в традиционном образе жизни и хозяйствования. Трансформации анализируются в рамках концепции «экономика коренных народов» (Indigenous economy), которая была введена в академическую дискуссию во второй половине XX века. Под экономикой коренных народов понимают хозяйственную деятельность, связанную с сохранением идентичности коренных жителей. Она базируется на традиционном природопользовании, на знании природы, фольклора, владении языком, социальными нормами и представлениями. В то же время активное включение коренных сообществ в рыночные отношения ведёт к значимым социальным и экономическим трансформациям их жизни. Это вызывает дискуссии в отношении дальнейших траекторий развития, которые сводятся к вопросу о том, как сохранить уникальную культуру коренного населения в условиях рынка. В данной работе рассматриваются три различные модели развития экономики коренных народов Арктики на примере России, Финляндии и США. В России сохраняется патерналистская модель, в которой значимую роль играет государство, оказывающее поддержку коренному населению и ориентированное на консервацию традиционной культуры. В Финляндии доминирует рыночная модель, подразумевающая коммерциализацию традиционного хозяйства. США представляют смешанную модель, сочетающую рыночные механизмы и патернализм. Также в статье рассматривается, как выбранный государством путь развития повлиял на социальные и культурные аспекты жизни коренного населения. Эти аспекты связаны с изменившимся отношением к природе, развитием новых культурных паттернов, появлением новых культурно окрашенных видов хозяйственной деятельности. Исследование выполнено на основе качественной методологии. Основными методами исследования стали полуструктурированные интервью, наблюдения в местах проживания коренного населения, анализ документов.

Ключевые слова: Арктика; экономика коренных народов; культура коренных народов; права коренных народов; государственный патернализм; смешанная экономика.

Введение

Проблеме взаимосвязи культуры и экономики посвящено большое количество работ. Культура конституирует хозяйственные институты и влияет на экономическое поведение [Zukin, DiMaggio 1990; Димаджио 2004].

ТУЛАЕВА Светлана Александровна — канд. социол. наук, PhD in Legal Studies, доцент кафедры сравнительных политических исследований СЗИУ РАНХиГС. Адрес: 199178, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57.

Email: svett07@mail.ru

ЗАХАРОВА Ольга Владимировна — канд. филос. наук, доцент, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, Россия, Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Email: o.v.zakharova@utmn.ru

Концепция социальной укоренённости экономического поведения рассматривается в контексте изучения К. Поланьи «моральной экономики», которая тесно связана с социально одобряемым поведением и представлениями о взаимопомощи [Поланьи 2002]. В то же время выбор экономической модели развития также напрямую влияет на социокультурные аспекты жизни общества. Так, формирование рыночных отношений трансформирует устоявшиеся социальные нормы и представления в традиционных сообществах, открывает новые направления для их развития [Scott 1977; Поланьи 2002]. Многие исследования культурно окрашенной экономики связаны с исторической ретроспективой жизни отдельных обществ. Но и современная экономика представляет немало ярких примеров культурной обусловленности хозяйственной деятельности. Одним из таких примеров является экономика коренных народов, которая связана с традиционным природопользованием и поддержанием устоявшихся обычаев и традиций.

В соответствии с Декларацией ООН о правах коренных народов, к коренному населению относятся народы, сохраняющие свою историческую преемственность с обществами, проживавшими на этих территориях до их колонизации, и считающие себя отличными от общества, преобладающего в настоящее время на этих территориях [United Nations 2007]. Проблеме сохранения традиционной хозяйственной деятельности коренных народов в мире уделяется особое внимание. В то же время встаёт вопрос о необходимости их адаптации к вызовам глобального мира. Один из ключевых вопросов — необходимость «вписать» традиционное хозяйство коренных народов в современные рыночные отношения, сохранив при этом их уникальную культуру, которая тесно связана с хозяйственной деятельностью. В связи с этим многие исследователи говорят о том, что устойчивость экономической жизни коренных народов складывается не только из их самодостаточной хозяйственной деятельности, но и из сохранения их культурной идентичности. Развитие рыночных отношений часто рассматривается как угроза для коренных малочисленных народов, поскольку сокращаются территории для ведения традиционной хозяйственной деятельности, происходит загрязнение окружающей среды, растёт социальная напряжённость. Особое внимание обращается на то, что развитие рыночных отношений ведёт к трансформации традиционных ценностей и культуры. Большое влияние на жизнедеятельность коренных народов в целом и на их экономику в частности оказывает выбранная государством политика. Речь идёт о различных видах патернализма, который так или иначе присутствует в отношениях «государство — коренные народы». Государственный патернализм можно определить как основанную на национальной традиции государственно-властную ответственную политику в отношении этнических групп, в цели которой входит обеспечение права на развитие, сохранение и дополнительные меры защиты [Гоголев 2014]. При этом сущность патернализма, как подчёркивают исследователи данной сферы, заключается в гарантиях прав, обеспечении дополнительных условий, что особенно важно для коренных народов, находящихся в силу различных обстоятельств в сложной социально-экономической ситуации.

Модели экономики коренных народов различаются в разных арктических государствах. В одних случаях хозяйственная деятельность коренных народов перестраивается на «рыночные рельсы», вызывая последующую трансформацию культуры. В других случаях коренные народы продолжают в значительной степени придерживаться традиционного образа жизни и воспроизводят многовековые культурные паттерны. При этом государственная политика в отношении коренных народов предполагает использование различных инструментов. В частности, исследователи выделяют несколько векторов политики государственного патернализма. *Экономический патернализм* направлен на обеспечение стандартов достойной жизни, поддержку традиционных видов хозяйствования, создание экономической основы и системы сбыта продукции. Государственная поддержка социально-культурного развития, языка, традиций представляет собой *социокультурный патернализм*. В этом случае в область особой государственной заботы попадают социально-культурные права коренных народов, то есть прежде всего право на этническую культуру, духовное и материальное наследие, на охрану здоровья, образование и доступность к нему, ряд иных социально-культурных прав. Инструменты патернализма, обеспечивающие развитие, политические права, а также реальные и эффективные формы партнёрства с коренными малочисленными народами, можно обозначить как *политический патернализм*.

Цель данной работы — проанализировать различные модели развития экономики коренных народов в Арктике, а также показать, как изменяющиеся экономические отношения влияют на образ жизни и культуру коренных сообществ. Особое внимание в статье уделяется роли государства в поддержке экономических и культурных особенностей коренных сообществ. Данные особенности будут рассмотрены на примере трех кейсов: Россия (Ямало-Ненецкий автономный округ — ЯНАО), Финляндия, США (Аляска). Выбор этих трех случаев обусловлен тем, что в них представлены три разные модели развития экономики коренных народов в современных условиях: на Ямале большую роль в адаптации коренных сообществ к рыночным условиям играет государство, применяя механизмы экономического и социокультурного патернализма по отношению к коренному населению; в Финляндии преобладает рыночная модель развития с элементами социально-культурного патернализма; Аляска представляет собой промежуточную модель, комбинирующую рыночные механизмы и патернализм, в основном в политической сфере. Выбранные случаи не могут покрыть всё разнообразие существующих сценариев, а ориентированы лишь на анализ некоторых тенденций.

Теория и методология исследования

Концепция «экономика коренных народов», или «аборигенная экономика» (*Indigenous economy*), активно используется в последние годы в международных экономических и социальных исследованиях применительно к изучению традиционных сообществ [Wolfe, Ellanna 1983; Huskey 2005; Kuokkanen 2011]. Под *экономикой коренных народов* понимают хозяйственную деятельность, которая связана с сохранением идентичности коренных сообществ. Эта деятельность включает не только экономическое, но также культурное и социальное измерения [Huskey 2015; Poppel 2006; Poppel, Kruse 2010]. Культура, экономика и самобытность коренных народов неразрывно связаны с их традиционной хозяйственной деятельностью и обеспечивают им ощущение преемственности с прошлым и единства с природным миром [Glomsrod, Duhaime, Aslaksen 2015].

Можно выделить несколько основных характеристик хозяйственной деятельности коренных народов.

Во-первых, экономика коренных народов связана с традиционным природопользованием [Pickering 2000; Kassam 2004]. Основная часть хозяйственной деятельности коренных народов Севера всегда была связана с оленеводством, рыбной ловлей, собирательством природных ресурсов, охотой. Это обусловило высокую степень зависимости экономики от состояния окружающей среды. Изменение климата, приход промышленных корпораций, загрязнение окружающей среды увеличивают уязвимость коренных народов и влияют на их экономическое благополучие.

Во-вторых, экономика коренных народов привязана к конкретным территориям проживания [Kyllönen et al. 2006]. Так, оленеводы кочуют по устоявшимся в течение многих веков маршрутам, а коренные сообщества, занимающиеся рыбной ловлей или охотой, используют промысловые участки своих предков. По этой причине вынужденное изменение территорий проживания также может негативно сказаться на хозяйственной деятельности.

В-третьих, существует взаимозависимость экономической деятельности, социальных норм и представлений коренных сообществ [Новикова 2013; Kofinas et al. 2016; Gladun, Zakharova 2020]. Определённые социальные нормы регулируют их хозяйственную деятельность на протяжении веков. Использование природных ресурсов в хозяйственной деятельности тесно связано с традиционными представлениями коренных народов о природе [Tuck, Huskey 1986]. Например, одним из ключевых для коренного населения является понимание меры и бережного отношения к природе [Новикова 2013]. В то же время появление рыночных механизмов может вести к трансформации прежних социальных норм. Так, возможность продавать природные ресурсы способствует размыванию понятия «мера» в процессе природопользования.

В-четвёртых, просматривается связь с определёнными формами социальной организации. Как правило, основной хозяйственной единицей у коренного населения является семья или община. Такая социальная структура зачастую сохраняется и в ситуации перехода к рыночным отношениям [Kuokkanen 2006; 2019].

В-пятых, для ведения хозяйственной деятельности коренные народы используют специфические знания [Roppel et al. 2007], такие как сведения о маршрутах миграции диких животных, понимание особенностей местного климата, навыки охоты и ловли рыбы, умения перерабатывать собранные ресурсы, адаптироваться к природным катаклизмам и проч.

В-шестых, хозяйственная деятельность коренных народов тесно переплетена с их культурой [Tulaeva, Nysten-Naarala 2019], то есть с особенностями языка, фольклора, быта, промыслов. Например, язык коренных жителей российского Севера ненцев тесно связан с их традиционным занятием оленеводством и выстроен вокруг кочевого образа жизни. Исчезновение оленеводства означает угрозу для существования ненецкого языка. Сохранение традиционной хозяйственной деятельности коренных народов напрямую связывается с сохранением их культуры. Даже в ситуации, когда речь идёт не о традиционных видах хозяйствования, а о вновь созданных занятиях, культурные аспекты продолжают играть ключевое значение. Например, экологический и этнографический туризм, который развивается на землях коренных народов, возможен только благодаря эксплуатации элементов культуры коренных народов [Nuorgam 2017]. Во многих странах коренные народы получают субсидии и льготы от государства для сохранения традиционных видов хозяйственной деятельности даже в ситуации их экономической неэффективности. Например, оленеводство в российских регионах сохраняется во многом благодаря государственной поддержке. В этом случае культурная ценность этого вида деятельности оценивается выше, чем экономические выгоды от неё.

В целом хозяйственная деятельность коренных народов является одной из основ их идентичности и влияет на их связь с территорией обитания, образом жизни, сохранением языка. В то же время под воздействием процессов глобализации и интенсивной индустриализации экономика коренных народов трансформируется и становится значительно более сложным феноменом. От натуральной формы хозяйствования коренные народы перешли к более разнообразным формам экономической деятельности [Ellanna, Wheeler 1989; Stammler 2005].

При анализе хозяйственной деятельности коренных народов мы опирались на три основные экономические модели, присущие разным обществам [Поланьи 2002]:

- *натуральное хозяйство* — модель, которая базируется прежде всего на потреблении продуктов, произведённых в собственных домохозяйствах. В этом случае коренные жители, как правило, живут за счёт оленеводства, рыбной ловли, охоты. Необходимые им товары (оборудование, топливо) они могут выменивать у других жителей или работников промышленных компаний, находящихся на их территории;
- *перераспределение*: в этом случае государство берёт на себя функции, связанные с перераспределением ресурсов в обществе. Одним из последствий такой модели является развитие субсидируемой экономики. Как правило, эта модель предусматривает дотации и субсидии со стороны государства, которые позволяют коренным народам существовать в рамках своей традиционной хозяйственной деятельности;
- *рыночная модель*: основным источником дохода коренных народов в этом случае является реализация на рынке производимой ими продукции [Larsen et al 2019].

Долгое время экономика коренных народов связывалась с традиционным природопользованием и реципрокностью социальных отношений. Традиционное природопользование обеспечивает коренные малочисленные народы пропитанием, помогает им сохранять культурную идентичность, поддерживать социальные отношения [Larsen, Huskey 2015; Lonner 2000]. В то же время активное включение традиционных сообществ в рыночные отношения (зачастую при поддержке государства) приводит к развитию смешанной экономики, где сосуществуют элементы традиционного хозяйства и рынка [Dinero 2003; BurnSilver et al. 2016; 2017].

В качестве трёх основных кейсов для анализа были взяты следующие коренные сообщества: ненцы, проживающие на территории Ямала (Россия); саамы в Финляндии; избранные группы коренного населения Аляски (США). Данные сообщества объединяет то, что они продолжают заниматься традиционным природопользованием, а также сохраняют элементы традиционной культуры. В то же время во всех трёх случаях сформировались разные модели включения традиционных форм хозяйства в рыночные отношения. Случаи подбирались на основе принципа максимальных вариаций, приближенных к разным теоретическим моделям развития экономики. При этом работа не претендует на то, чтобы отразить все возможные случаи развития экономики коренных народов.

Российский опыт в работе проанализирован на примере Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), который является одним из основных районов проживания коренных малочисленных народов в России, где заметная часть населения сохранила традиционный образ жизни. Важно отметить, что в России существуют серьёзные региональные различия в политике в отношении коренных народов. Они отражаются в разной степени государственной поддержки традиционной хозяйственной деятельности, неравномерной включённости коренных жителей в процесс принятия решений, в разном уровне правовой защиты интересов коренных народов (прежде всего это касается сохранения территорий традиционного природопользования).

В ЯНАО насчитывается около 47,5 тыс. человек, относящихся к коренным народам, то есть 8,8% населения [Правительство ЯНАО 2021]. Наиболее многочисленной группой коренного населения являются ненцы. Их численность — 29 тыс. человек, или почти 6% от всего населения ЯНАО. При этом 55,1% ненцев владеют ненецким языком (из них 27,9% — городское население и 60,7% — сельское). Более 19 тыс. человек заняты в сфере традиционного природопользования (олeneводство, рыбная ловля, охота), что составляет 41,0% от общей численности коренного населения, или 3,6% от общей численности населения ЯНАО [Правительство ЯНАО 2021].

Аляска является самым северным штатом США. Население Аляски — 737 438 человек, из которых 109 тыс. относятся к коренным малочисленным народам (18% от всего населения Аляски). Основное коренное население Аляски составляют алеуты, атапаски, эйя, эскимосы, хайда, тлинкиты, цимшианы. Ряд исследователей предлагают более крупное деление коренных сообществ: эскимосы, индейцы и алеуты [Williams 1985]. Всего на территории Аляски проживают 229 из 566 официально признанных племен коренных народов США. Выделяются четыре основные языковые группы (эскимосско-алеутская, цимшианская, хайда, атапаско-эйтлинкитская), включающие 20 языков. На национальных языках говорит 28% коренного населения Аляски [Alaska Federation of Natives 2019]. Племена коренных народов Аляски признаны федеральным правительством США и, наряду с племенами американских индейцев, имеют право на самоуправление, заключение договоров, сохранение культурного наследия.

В Финляндии коренное население представлено саамами, численность которых составляет 10 463 человека. Согласно Конституции Финляндии (§ 7), саамы имеют право на сохранение и развитие своей культуры [Constitution of Finland 1999]. Право на свою культурную автономию саамы реализуют в северных муниципалитетах Финляндии (Энонтекиё, Инари, Утсйоки и северная часть Соданкюля), которые именуются родиной саамов [Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy 1994]. На территории современной Финляндии распространено три саамских языка — инари-саамский (300–400 носителей), северносаамский (около 2000 носителей) и колтта-саамский (около 400 носителей). До начала 1970-х гг. саамы не получали образования на своих родных языках. Такое образование стало вводиться постепенно в 1970-х гг. и было законодательно признано с 1983 г. [Act on Elementary School 1983]. В настоящее время 26% финских саамов владеют саамскими языками [Raento, Kai 2001; The Sami in Finland 2019]. Основным видом хозяйственной деятельности саамов издавна было оленеводство.

Сравнение данных кейсов позволяет выделить основные факторы, влияющие на выбор экономической модели коренных народов Арктики, а также связь их хозяйственной деятельности с образом жизни, социальными и культурными особенностями.

Работа базируется на качественной методологии [Kvale 1996]. Основными методами исследования были выбраны интервью, наблюдение, правовой анализ. Интервью проводились с представителями коренных народов России, Финляндии, Аляски. Все интервью были транскрибированы и проанализированы методом осевого кодирования. Всего было взято 27 интервью, из них 20 — с ненцами Ямала (Россия), пять — с представителями коренного населения Аляски, два — с саамами Финляндии. Основные вопросы касались особенностей ведения хозяйственной деятельности, сложностей включения коренных сообществ в рыночные отношения, специфики традиционного образа жизни. Данные, собранные в ходе интервью, были дополнены информацией, полученной из документов и материалов наблюдения. Для анализа были использованы следующие нормативные и правовые документы: национальные нормативные правовые акты, регулирующие отношения с коренными малочисленными народами; государственные программы, направленные на поддержку коренных сообществ. Наблюдение осуществлялось в посёлках, где проживали представители коренного населения (на Ямале и Аляске). Обращение к разным источникам позволило провести триангуляцию данных. Исследование проходило в 2017–2020 гг. На основе собранных данных были реконструированы модели экономической жизни коренных народов в арктических регионах, а также их влияние на традиционный образ жизни и традиционную культуру.

Модели развития экономики коренных народов

Особенности правового регулирования

Одно из принципиальных различий изучаемых кейсов связано с особенностями правового регулирования отношений государства и коренных народов в трёх странах. В частности, различными являются

нормы об определении статуса коренных народов, объём их прав и гарантий, а также наличие или отсутствие институтов самоуправления [Кряжков 2016].

В соответствии с российским законодательством ненцы относятся к категории коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС). В эту категорию попадают народы численностью менее 50 тыс. человек, проживающие в северных районах России, в Сибири и на российском Дальнем Востоке на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы и осознающие себя самостоятельными (см. [Об общих принципах организации... 2000])¹. Российское законодательство гарантирует коренным народам дополнительные права, позволяющие им заниматься традиционными видами хозяйственной деятельности, то есть оленеводством, рыбной ловлей, охотой, собирательством. Также предусмотрено выделение и сохранение за коренными народами территорий традиционного природопользования, на которых они могут вести традиционный образ жизни [О гарантиях прав... 1999; Об общих принципах организации... 2000; О территориях традиционного природопользования... 2001]. В случае изъятия части таких территорий под промышленные или иные нужды коренные народы получают компенсации. Однако на практике реализация федерального законодательства в регионах затруднена. Так, в ЯНАО юридически закреплены за коренными народами только земли оленеводческих совхозов, в то время как частники кочуют «по обычаю», что значительно уменьшает возможности их правовой защиты. Как отмечал один из наших респондентов²:

Частники, за ними земли нигде не закреплены. Они между небом и землёй (глава оленеводческой общины, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Аляска — это беспрецедентный пример передачи земли государством в собственность коренным народам. Ключевым документом, определившим дальнейшее экономическое развитие коренного населения Аляски, является Закон о земельных требованиях (Alaska Native Claims Settlement Act — ANCSA), который был принят в 1971 г. [Alaska Native Claims Settlement Act]. Законом признаются требования коренного населения на территории их проживания. Сообщества коренных народов получили в собственность 12% территории штата в границах исторических мест проживания, компенсации в размере более 900 млн дол., а также особые права на участие в местном самоуправлении. На основе законодательства были созданы 12 корпораций коренных народов. Каждая из них располагалась в конкретном районе Аляски и включала население, которое традиционно там проживало. Идея реформы заключалась в том, чтобы коренные народы могли, во-первых, сохранить за собой территории своего проживания, а во-вторых, включиться в рыночную экономику [Langdon 1986; Wolfe, Walker 1987]. Кроме того, предполагалось, что возможность остаться на своих территориях позволит сохранить местную культуру и традиции.

В Финляндии вопрос о правах саамов на землю и землепользование на традиционно саамских территориях до сих пор остаётся нерешённым [Guttorm 2017]. Среди саамов Финляндии распространено мнение о несправедливости действующего законодательства, поскольку оно не предусматривает для них исключительного права распоряжаться своими историческими землями и находящимися на них природными ресурсами, связанными с их традиционными промыслами [Nystén-Haarala, Joonas, Novila 2021]. Заниматься оленеводством, рыболовством и охотой могут все местные жители, но на практике возникает много сложностей при приобретении оленей (например, таких как маркировка,

¹ Данный термин используется только в РФ, в международной практике применяется термин «коренные народы» (Indigenous People), которым будем пользоваться и мы, поскольку речь идёт о сравнительном исследовании в международном контексте.

² Перечень интервью и характеристики респондентов см. в приложении, таблица П.1.

или клеймение). Часть саамов выступает за то, чтобы преференциями по занятию оленеводством обладали именно они (как в Швеции). В настоящее время большая часть земель находится в собственности государства. Согласно законодательству, оленеводство является приоритетным видом землепользования и осуществляется на государственных землях, занимающих почти половину всей Финляндии. Это позволяет вести оленеводческую деятельность без каких-либо серьёзных ограничений. Частные собственники также вынуждены мириться с присутствием оленей на своей территории, но они имеют право на компенсацию ущерба от оленеводческого кооператива, если олени повредят их леса или посевы. Споры о возмещении такого ущерба часто становятся причиной конфликтов между оленеводами и другими группами населения [Gladun et al 2021]. Земли, являющиеся собственностью государства, могут быть переданы под реализацию различных промышленных проектов. Саамы часто выступают против разнообразных инфраструктурных проектов, таких как строительство шахт, ветряных станций, линий электропередач и проч. В последние годы наибольшую критику со стороны саамов вызвал проект постройки железной дороги до Северного Ледовитого океана через территории проживания саамов. С точки зрения коренного населения, строительство дороги угрожает традиционному образу жизни саамов и оленеводству [Nysten-Haarala 2018]. Законодательство Финляндии гарантирует саамам право на культурное самоопределение и регламентирует работу Саамского парламента, решающего основные вопросы организации культурной и социальной жизни саамов.

Таким образом, данные кейсы демонстрируют разные способы регулирования коренных малочисленных народов и разный уровень правовой защиты интересов коренного населения.

Основные виды хозяйственной деятельности коренных народов

Одним из основных традиционных занятий ямальских ненцев является оленеводство. В настоящее время оленеводство на Ямале существует в двух формах: (1) оленеводческие хозяйства, образованные на основе советских оленеводческих колхозов; (2) семейно-родовые общины. При этом вторая форма является более распространённой. В 2010 г. поголовье оленей на Ямале составляло 600 тыс.; из них 66% поголовья оленей принадлежит семейно-родовым общинам [Детгер 2017а]. Помимо оленеводства ненцы занимаются рыбной ловлей и охотой. В предпринимательскую деятельность коренное население вовлекается слабо. В основном органы государственного управления и местного самоуправления проводят мероприятия, направленные на обучение предпринимателей, производящих традиционную продукцию, продвижение этой продукции, бизнес-тренинги; финансирует научные исследования в сфере традиционных отраслей и возможных перспектив их развития [Кибенко, Сухова, Зуев 2017]. Значительная часть ненецкого населения, переехавшего в города и посёлки, имеет постоянную работу в компаниях или государственных учреждениях и уже мало связана с традиционным природопользованием.

Основной двигатель экономического развития на Аляске — нефть. Бюджет штата на 85% пополняется за счёт доходов от добычи нефти. Основным типом хозяйственной деятельности коренных жителей является смешанная экономика, включающая элементы и натурального хозяйства, и рынка [Wolfe, Ellanna 1983; Wolfe, Walker 1987; Larsen et al. 2019]. Рыночный сектор экономики коренного населения представляет собой доходы от добычи нефти, инвестиций, туризма, добычи полезных ископаемых. Экономическая деятельность корпораций обуславливает прибыль коренных жителей, которые получают дивиденды от её акций. Наиболее успешными стали те компании, которые имели на своих землях запасы полезных ископаемых и могли получать доход от их добычи [Mitchell 2001]. Однако существуют корпорации, чья прибыль зависит не только от эксплуатации природных ресурсов. Например, 45% годового дохода (около 14 млн дол. в год) Bering Straits Native Corporation получает от заключённых федеральных и государственных контрактов в сфере обеспечения безопасности, технического обслуживания авиабаз. Корпорация Sealaska имеет дочерние предприятия в пяти других штатах США и

Мексике; продукция данной корпорации экспортируется во многие страны мира. В результате в 2006 г. прибыль корпорации превысила 41 млн дол. Успех названных организаций объясняется эффективной инвестиционной политикой и использованием инструментов государственно-частного партнёрства [Regional Alaska Native Corporations... 2012]. Часть коренного населения вовлечена в традиционную хозяйственную деятельность (охота, рыболовство, китобойный промысел), что позволяет поддерживать и традиционный образ жизни. Кроме того, активно развивается туризм, основанный в том числе на коммерциализации культуры коренных жителей [Goldsmith, Hull, Reeder 1984; Knapp 2012].

Основной хозяйственной деятельностью саамов долгое время было оленеводство. В настоящее время только 10% саамов вовлечены в эту деятельность. Особенностью развития оленеводства в Финляндии являются короткие кочевые маршруты, которые сложились исторически. Это даёт возможность оленеводам не кочевать вместе с оленями, а выпасать оленей свободно. В некоторых случаях перемещение оленей фиксируется оленеводами с помощью GPR-приёмников. Большую часть года олени находят пропитание себе сами, но зимой их подкармливают оленеводы. Данная необходимость проявляется особенно остро в связи с климатическими изменениями, приведшими к тому, что оленям стало сложнее добывать себе еду самостоятельно.

Традиционное саамское оленеводческое хозяйство называлось «сиида» и состояло из одной или нескольких родственных семей. В настоящее время в Финляндии оленеводство ведётся в основном на базе оленеводческих кооперативов, созданных государством. Сиида продолжает функционировать внутри кооперативов. В Финляндии есть 54 оленеводческих кооператива, которые вместе образуют ассоциацию оленеводческих кооперативов, являющуюся структурным подразделением Министерства сельского хозяйства [The Sami in Finland 2019]. Часть своей продукции финские оленеводы поставляют в Европу, но основной их доход обусловлен развитием туризма в Финляндии (они поставляют мясо в местные рестораны, продают традиционные саамские товары, организуют развлечения для туристов, связанные с бытом и культурой саамов). Однако оленеводство — не единственный вид экономической деятельности, которой занимаются саамы. Большинство саамов вовлечены в такие виды деятельности, как горнодобывающая промышленность, сельское или лесное хозяйство, производство ремесленной продукции [Reindeer Herder Association 2019].

Роль внешних акторов в развитии экономики коренных народов

В современном мире экономика коренных народов, основанная на традиционном природопользовании, зачастую нуждается в дополнительной поддержке со стороны внешних акторов. В России важную роль в развитии оленеводства играет государственная поддержка. Это связано с тем, что оленеводство обеспечивает материальное благополучие части коренного населения и является основой сохранения традиционной культуры. При этом традиционная культура рассматривается как не менее, чем экономика, важный аспект благополучия коренных народов. Это подчёркивалось в интервью представителями органов власти:

Главное нам — сохранить традиционный образ жизни (представитель районной администрации, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Государство обеспечивает больше половины расходов предприятия ОАО «Ямальские олени» — единственного, занимающегося переработкой оленеводческой продукции в округе. На государственные средства в тундре создаются фактории, в которых оленеводы могут купить необходимые товары. Оленеводческие совхозы получают ежегодные субсидии на занятие оленеводством. Так, в 2018 г. на 1 тонну заготовленной продукции оленеводческие хозяйства могли получать субсидию в размере 100 тыс. рублей. Семьи оленеводов также получают ежемесячные субсидии в размере 2000–6000 рублей на

каждого члена семьи [Северное оленеводство 2019]. В округе действует государственная программа по поддержке коренного населения [Об утверждении комплексной программы... 2018]. Особое внимание в ней обращается на сохранение традиционной хозяйственной деятельности коренных народов. В рамках программы выделяются средства на закупку необходимого оборудования (спутниковые телефоны, электрогенераторы, бураны, моторные лодки, ГСМ и проч.), обучение и отдых детей. Некоторую поддержку коренному населению оказывают также добывающие компании, работающие в округе [Новикова 2013]. Однако напрямую компании практически не взаимодействуют с коренными народами. В роли медиатора здесь также выступает государство. Средства, направляемые компаниями, распределяются государством. Представители органов власти отмечают в интервью:

Напрямую с оленеводами не заключают соглашения. Только через власти. Отстраивают посёлки, строят школы, детские садики, спортзалы. Через власти дают деньги на покупку бензина, электростанций, тента на чумы (представитель окружных органов власти, Салехард, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

В США государство не так активно участвует в жизни коренного населения, однако оно обеспечило коренным малочисленным народам определенные гарантии, закреплённые законодательно, в частности право на земли и недра в границах данных земель. Такой «патернализм на расстоянии» позволил создать основу для хозяйственной деятельности коренных народов на Аляске.

В Финляндии саамы имеют ряд дополнительных прав. Однако иногда это выливается в недовольство части населения Финляндии, которая опасается, что приоритет при принятии экономических программ развития территорий будет отдаваться саамам. Кроме того, оленеводство в Финляндии поддерживается и за счёт государственных субсидий (вне зависимости от того, занимаются им саамы или финны). Около 14% доходов оленеводов составляют государственные субсидии или субсидии Европейского союза. Но по сравнению с размерами государственной поддержки сельского хозяйства в странах ЕС, которые составляют около 40% доходов фермеров, поддержка оленеводческой отрасли в Финляндии не представляется значительной [Finland Pays... 2018].

Таким образом, выбранные случаи демонстрируют различную степень и формы государственной поддержки аборигенной экономики. В арктических странах находятся как сторонники, так и противники патерналистских отношений. Больше всего критики направлено на экономический аспект патернализма: считается, что излишняя государственная опека порождает материальную зависимость, этносоциальное иждивенчество, пассивность в принятии собственных решений о развитии [Хазанов 2017]. Иные виды патернализма, в свою очередь, порождают политическую инертность и духовно-культурную несамостоятельность [Dworkin 1972]. В некоторых работах предлагается отойти от политики государственного патернализма [Юдин 2012]. Тем не менее многие учёные поддерживают патернализм, в частности разумную политику государственного регулирования через прямую поддержку бедных групп аборигенного населения, протекционизм и партнёрство наиболее «продвинутых» в рыночной экономике [Гоголев 2014].

А. М. Хазанов, автор одной из последних научных работ, посвящённых патерналистским отношениям и моделям государственной поддержки коренных малочисленных народов в РФ, отмечает, что экономический патернализм зачастую порождает отсутствие инициативы и пассивное отношение к труду [Хазанов 2017]. Основываясь на социологических исследованиях, проведённых в отношении северных регионов России, а также Скандинавских стран, А. М. Хазанов обоснованно ставит вопрос о целесообразности выделения значительных государственных субсидий для поддержки очевидно убыточных муниципальных предприятий в сфере оленеводства. Это мнение созвучно с выводами исследований, проведённых в Ямало-Ненецком автономном округе. Так, Г. Ф. Деттер считает, что региональная си-

стема управления в регионе, на протяжении длительного времени использовавшая стратегии и механизмы государственной экономической поддержки оленеводства, привела к экологическим и социальным проблемам (истощение пастбищ, угрозы традиционному укладу жизни коренных малочисленных народов Севера) [Деттер 2021]. Причина, по мнению исследователя, в том, что патерналистские методы управления не были согласованы как с возможностями природных ресурсов региона, так и с особенностями технологических и культурных укладов коренных народов, поэтому экономический патернализм должен стать менее приоритетным в развитии коренных народов по сравнению с мерами социальной поддержки.

Значимый аргумент в пользу экономической поддержки коренных народов со стороны государства приводит Л. Баскин, указывая, что современное оленеводство и в России, и во всех других странах, где оно существует (Норвегия, Швеция, Финляндия, США, Канада), невозможно без патернализма государства. Автор исходит из того, что оленеводство гарантирует сохранение не только национальной культуры, но и самих этносов. Данная точка зрения разделяется и коренными народами Севера, понимающими, что оленеводство, даже если оно не является коммерчески прибыльным, позволяет им сохранить самобытность. Следовательно, можно сделать вывод о необходимости не столько экономических форм патернализма, сколько патернализма социального [Баскин 2016].

Особенности социально-экономического развития коренных народов

Разные модели развития хозяйственной деятельности коренных народов Арктики определяют и разный уровень их материального благополучия, а также те проблемы и вызовы, с которыми они сталкиваются. В ЯНАО уровень жизни ненцев-олeneводоов остаётся очень низким. Совокупный доход членов оленеводческих семей в среднем ниже прожиточного минимума в России на 33%. Только около 25% семей кочевников имеют какое-то жильё в посёлках [Деттер 2017b]. Согласно исследованиям, проводимым в Научном центре изучения Арктики (Салехард), среднестатистическая оленеводческая семья, состоящая из двух взрослых и трёх несовершеннолетних детей, живёт на 814 тыс. рублей в год. Её доходы складываются из нескольких источников: продажа оленины (45%), продажа пантов (25%), социальные выплаты и субсидии (30%) [Деттер 2017a]. В настоящее время дальнейшее развитие оленеводства в ЯНАО сталкивается с рядом серьёзных трудностей. Одна из основных проблем — нехватка земли [Филант 2016; 2017]. Это связано с изъятием части земель под промышленные нужды, а также с постоянным увеличением поголовья оленей. Государство пытается использовать экономические стимулы для того, чтобы заставить оленеводов сокращать количество поголовья в условиях нехватки земель. Например, предполагается, что замена государственных субсидий за поголовье оленей на субсидии за сданную оленину может способствовать уменьшению поголовья оленей. Однако рыночные стимулы иногда входят в противоречие с традиционными представлениями оленеводов-кочевников [Филант 2016; 2017]. Количество оленей исторически считалось показателем высокого социального статуса оленеводов и служило маркером благополучия семьи. Кроме того, эти стимулы не подкреплены соответствующей рыночной инфраструктурой, которая позволяла бы оленеводам продавать свою продукцию по рыночным ценам [Зуев 2015]. В округе работает единственное крупное предприятие по переработке оленеводческой продукции, которое занимает монопольное положение и, соответственно, может навязывать свои условия оленеводам. Значимый барьер представляют труднодоступность территорий и сложности с транспортировкой продукции. Оленеводам не хватает денежных средств для того, чтобы перевести своё хозяйство, нацеленное прежде всего на обеспечение потребностей своей семьи, на рыночную основу (закупка холодильных камер, технологии для переработки оленины и проч.).

На Аляске существует сильное расслоение в уровне жизни аборигенного населения. Получение земель и ресурсов в собственность коренных народов стало мощным стимулом для их включения в

рыночную экономику. Однако принятие Закона о земельных требованиях (ANCSA) воспринимается самими коренными сообществами Аляски противоречиво [Stuckenberg 2007]. Создание корпораций не означает, что каждый коренной житель получает дивиденды от их деятельности. Во-первых, не все корпорации являются прибыльными, часть корпораций обанкротились. Во-вторых, акционерами в большинстве случаев стали лица, родившиеся не позднее 18 декабря 1971 г., то есть до момента принятия упомянутого закона, что ведёт к большому количеству конфликтов между старшим и младшим поколениями коренных народов. В целом в штате сохраняется значительное количество социальных проблем, связанных с недостаточно высоким уровнем жизни коренного населения. Так, 21% коренных жителей Аляски находятся за чертой бедности. Это ощутимо ниже аналогичной цифры для индейцев США (27%), но значительно выше среднего значения по стране (14,3%) [Alaska Federation of Natives 2019]. Несмотря на государственные программы в сфере здравоохранения, смертность коренного населения Аляски в 2000 г. была заметно выше, чем у других групп населения. В настоящее время среди коренных малочисленных народов наблюдается высокий уровень самоубийств: 50,9 случая на 100 тыс. человек, что превышает среднюю цифру по стране в четыре раза [Alaska Federation of Natives 2019].

Финляндия представляет собой пример рыночной модели, при которой оленеводство, традиционный вид хозяйственной деятельности саамов, было успешно вписано в рыночные отношения [Stammler 2005]. Более того, оленеводство получило распространение и среди несаамского населения Финляндии. Уровень благосостояния саамов не отличается от уровня благосостояния других жителей Финляндии. Оленеводство, имея экономическую значимость, является также основой саамской идентичности и позволяет сохранить культурные традиции этого народа. Кроме того, северный олень стал символом Лапландии и тесно связан с дальнейшим развитием этого региона [Guttorm 2017]. Однако успешное развитие оленеводства в Финляндии привело к перевыпасу оленей, деградации пастбищ и возникновению экологических проблем. Оленеводы не всегда соблюдают установленный государством максимальный объём поголовья оленей, что вызывает конфликты с экологическими организациями Финляндии.

Трансформация экономики коренных народов: рынок vs культура?

Исследования экономики коренных народов представляют собой яркий пример взаимовлияния рыночных процессов и культурных особенностей общества. С одной стороны, экономика коренных народов связана с сохранением их национальной и культурной идентичности и обусловлена социокультурными особенностями их жизни. С другой стороны, включение коренных малочисленных народов в рыночные отношения привело к противоречивым тенденциям в их образе жизни, что особенно ярко обнаружилось в арктических регионах [Stammler 2005; Tulaeva, Nysten-Haarala 2019]. При анализе данных трансформаций мы отталкивались от конституирующих элементов экономики коренных народов, рассмотренных в начале работы (тесная связь с окружающей природой; опора на традиционные знания и представления; обращение к элементам традиционной культуры; особенности социальных отношений). Произошедшие трансформации были рассмотрены на примере двух основных направлений хозяйственной деятельности коренных народов: традиционного природопользования (охота, рыболовство, оленеводство) и культурного предпринимательства, основанного на использовании элементов традиционной культуры.

Традиционное природопользование базируется на представлениях о тесной связи с землёй, на которой живут коренные народы, о сакральном отношении к своей земле, о понятии «мера» и на бережном использовании природных ресурсов. Многие коренные сообщества демонстрируют тесную связь с традициями своих предков:

Мы занимаемся собирательством, охотой, рыбной ловлей и хотим сохранить существующий образ жизни (местный житель, инуит, Анкоридж, Аляска, США, 2019 г.)³.

Желание моих народов — вернуться к местным традициям и жить полноценной жизнью, как это делали наши предки. Мы бережно использовали земли и ресурсы, и у нас было всё (местный житель, инуит, Анкоридж, Аляска, США, 2019 г.)⁴.

При ведении хозяйственной деятельности используются традиционные знания о природе: где лучше охотиться или рыбачить, как обеспечить безопасность стада, как выстраивать маршруты для передвижения по тундре, как уменьшить негативное воздействие на природу и проч. Зачастую эти традиционные знания представлены в виде религиозных табу, запрещающих охотиться на определенные виды животных или определяющие размеры изъятия природных ресурсов.

Когда мы кочуем, то мы стараемся приходить на то место, на котором уже были, чтобы не наносить вред природе. Каждый год в основном тот же маршрут. Если ты нашёл гнездо гуся и решил собрать яйца, то обязательно должен оставить два яйца, чтобы потомство у этой птицы осталось (местный житель, Тазовский район, ЯНАО, Россия, 2020 г.).

В настоящее время традиционные знания активно сочетаются с использованием современных технологий, которые облегчают жизнь коренных народов и делают ее более безопасной [Новикова 2021]. На Ямале оленеводы-кочевники используют спутниковые телефоны, позволяющие поддерживать связь с посёлками, стиральные машины, компьютеры и многое другое. Образ жизни коренных жителей в Финляндии, на Аляске мало отличается от образа жизни остального населения.

Важной конституирующей основой экономики коренных народов являются реципрокность, взаимопомощь, дарообмен [Новикова 2021]. В условиях зависимости от суровой арктической природы и недостатка рыночной и социальной инфраструктуры реципрокные отношения выступают в качестве социальной страховки и позволяют преодолеть случающиеся кризисные ситуации. Реципрокные отношения поддерживаются ритуалами, связанными с распределением ресурсов между членами сообщества. Так, на Аляске, несмотря на современный формат жизни, сохраняются традиции коллективных трапез после удачного улова, когда любой житель посёлка может получить часть добычи. В ЯНАО коренные жители могут рассчитывать на поддержку своих родственников в случае падежа оленей или необходимости временного проживания в посёлке и проч.

В то же время многие местные жители говорят о том, что происходит значительная трансформация традиционных представлений и практик. Возможность продавать оленину, панты, добытые шкуры животных, рыбу в большом количестве может постепенно приводить к отказу от понятия «мера», характерного для традиционной культуры. Ситуация усугубляется приходом в тундру компаний, несущих иное отношение к природе. Наблюдая за исчезновением прежде нетронутых природных территорий, коренные жители тоже меняют свои представления о природе. В интервью респонденты говорят следующее:

Раньше как бы было проще, знаете, жить на своей земле. И при этом, когда живут только свои, там проще. А когда появляются люди, которые слегка уже меняют жизнь, тогда сложнее, конечно (оленовод, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

³ *We do gathering, hunting, fishing and want to maintain the subsistent way of life (Inuit local resident, Anchorage, AK, 2019).*

⁴ *It's my peoples' desire to return to the local traditional and to live subsistent life as our ancestors did, we used lands and resources carefully and we had everything (Inuit local resident, Anchorage, AK, 2019).*

Вместе с новым образом жизни местные жители усваивают иное отношение к природе, которая начинает рассматриваться как источник обеспечения материальными благами. Представители более старшего поколения отмечают отсутствие необходимых норм, связанных с бережным отношением к природе у более молодого поколения:

Старые оленеводы жалуются, что молодёжь уже не соблюдает прежние правила, после себя много мусора оставляет. Тем более что сейчас много пластиковых упаковок всяких, которые очень медленно разлагаются. Там памперсы всякие оставляют. А куда их там, в тундре, потом девать? (местная жительница, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

По мнению части общества, распространение современных технологий препятствует передаче традиционных знаний от поколения к поколению и отвлекает от традиционных занятий. Как подчёркивали в своих интервью респонденты:

Сейчас уже не рассказывают старые легенды детям, так как в чумах есть телевизоры, компьютеры. Они мультфильмы смотрят. Современные технологии даже во вред идут оленеводам, так как они меньше времени оленям начинают уделять, больше телевизор смотрят и всё такое (местная жительница, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Технологии губят традиционную культуру (представитель районной администрации, Ямальский район, ЯНАО, Россия, 2017 г.).

Многие коренные жители отмечают, что старые традиционные методы охоты и собирательства были вытеснены современными технологиями. Повсеместно культурные паттерны коренных народов заменяются современной массовой культурой. Об этом говорили в своих интервью коренные жители Аляски:

Национальные танцы вытеснены выпивкой и телевизором (местный житель, юпик, г. Бетел, Аляска, США, 2019 г.).⁵

Они ценят тёплые дома, обилие еды, возможности доступного медицинского обслуживания (местный житель, инуит, г. Анкоридж, Аляска, США, 2019 г.).⁶

Отчасти такая негативная оценка роли современных технологий в жизни коренных народов характерна для внешних акторов, ориентирующихся на существующие культурные стереотипы. Как отмечают исследователи, в этом проявляется желание доминирующей культуры формировать представления о «других» в соответствии с существующими уже образами других [Давыдов 2006].

Ещё одна важная составляющая экономики коренных народов — обращение к элементам традиционной культуры, которое происходит через развитие этнотуризма и производство сувениров и носит название *аборигенного предпринимательства* [Гоголев 2014; Кряжков 2016]. Аборигенное предпринимательство основывается на сочетании традиционных навыков и знаний с современными методами ведения бизнеса, а также позволяет репрезентовать культуру коренных народов внешним акторам [Мартынова 2021; Новикова 2021]. Например, в Финляндии успешность развития экономики саамов

⁵ *Native dancing have been replaced by drinking and watching TV* (Interview with a representative of Yup'ik Eskimos, the city of Bethel, AK, USA, 2019).

⁶ *They appreciate warm houses, plenty of food, the opportunities of available health care* (Interview with a representative of Inuit, Anchorage, AK, USA, 2019).

тесно связана с развитием туристического рынка, благодаря которому они реализуют часть своей продукции. Культура саамов часто используется в туристических целях. Можно говорить о том, что именно туризм определяет рыночный формат экономики саамов. Это положительно влияет на увеличение привлекательности территории, обеспечивая ежегодный приток туристов и возможности заработка и предпринимательства для саамов. Попытка вписать элементы традиционной культуры в рыночные отношения позволяет сохранить то, что уже становится частью истории. Подобные процессы происходят и в других регионах. Так, коренные жители Аляски в интервью признают, что традиционные сообщества нуждаются в поиске новых возможностей:

Возвращение к старым обычаям невозможно, а традиционная культура и язык могут быть сохранены только в романтических целях (местный житель, юпик, г. Бетел, Аляска, 2019 г.)⁷.

В то же время использование элементов культуры коренных народов при производстве сувенирной продукции поднимает проблемы, связанные с ее коммерциализацией, а также с вопросами культурной экспроприации. Под коммерциализацией культуры понимается ситуация, когда какие-то элементы традиционной культуры начинают воспроизводиться не столько для внутренних потребностей членов сообщества, сколько под заказ для внешних акторов [Давыдов 2006]. Как отмечают представители коренных народов, зачастую существует разграничение при производстве каких-то предметов или организации мероприятий между потреблением для себя и для внешних акторов. Например, есть праздники для сообщества, а есть праздники «для внешних людей». Производство некоторых устаревших предметов из саамского быта ориентировано исключительно на туристов, так как сами саамы ими уже не пользуются. В ряде случаев производство каких-то предметов корректируется исходя из потребности сделать их более зрелищными для туристов [Жидкова, Тулаева 2020]. Зачастую компании или органы власти, которые выделяют финансовые средства на проведение культурных мероприятий, навязывают местным жителям свои стереотипные представления и ожидания о культуре коренных народов. Это вызывает критику как некоторых представителей коренных жителей, так и внешних акторов, указывающих на развитие «сувенирной культуры» [Давыдов 2006]. Кроме того, в некоторых случаях элементы культуры коренных народов активно эксплуатируются остальными группами общества. Так, в Финляндии элементы саамской культуры активно используются туристическими фирмами, предлагающими культурно ориентированные программы, например, «Отдыхай, как саам». Тем не менее сами саамы выступают против использования элементов своей культуры внешними акторами [Nuorgam 2017]. Это рождает активные дискуссии, которые разворачиваются вокруг культурного наследия саамов, а также, того, как и кем оно может использоваться.

Таким образом, включение традиционных сообществ в рыночные отношения привело, с одной стороны, к значительным трансформациям их образа жизни; с другой стороны, создало новые возможности для дальнейшего развития.

Выводы

В данной работе мы рассмотрели особенности экономики коренных народов, связанной не только с определёнными видами хозяйственной деятельности, но и обладающей специфическими социально-культурными характеристиками. В нашем исследовании были отмечены следующие особенности:

- влияние социальных норм на ведение традиционной хозяйственной деятельности. Так, социальные нормы коренных народов, связанные с бережным отношением к природе и привя-

⁷ *A retreat to the old ways is impossible, and traditional culture and language can be preserved just for 'romantic' purposes* (Interview with a representative of Yup'ik Eskimos, the city of Bethel, AK, USA, 2019).

занностью к своим землям, лежат в основе традиционных видов природопользования. В то же время развитие рыночных отношений ведёт к трансформации существующих представлений;

- сохранение элементов материальной и духовной культуры коренных народов в результате поддержки традиционной хозяйственной деятельности. Так, сохранение языка, фольклора, одежды, предметов быта коренных народов поддерживается за счёт ведения традиционного хозяйства (оленоводство, китобойный промысел, рыболовство, охота);
- создание новых видов экономической деятельности, связанных с коммерциализацией элементов традиционной культуры. Примером может служить этнотуризм или продажа сувенирной продукции. Таким образом, культурно окрашенная экономика создаёт не только определённые возможности, но и вызовы для коренных сообществ.

В настоящее время экономика коренных народов представляет собой смешанную модель хозяйственной деятельности, в которой присутствуют элементы натурального хозяйства, государственной поддержки и рыночных отношений. Мы рассмотрели три кейса, демонстрирующих различные модели хозяйствования коренных малочисленных народов, а также их влияние на традиционный образ жизни.

Российский кейс представляет собой пример государственного патернализма по отношению к коренным малочисленным народам и попытку консервации их традиционной культуры. В России значительную роль в поддержании традиционного образа жизни коренных малочисленных народов играет государство, которое субсидирует развитие оленеводства и оказывает поддержку коренным сообществам. Патерналистская политика в отношении коренного населения была заложена в Советском Союзе и продолжает существовать в современной России. Она включает не только поддержку экономической деятельности, но и процесс принятия решений в отношении дальнейших направлений их развития. При этом наблюдается тенденция к консервации традиционного (кочевого) образа жизни. Усилия по консервации традиционной культуры коренных народов в российской Арктике можно считать вполне успешными: значительная часть коренного населения на Ямале продолжает вести кочевой образ жизни, а также сохранила национальный язык. Из трёх приведённых нами кейсов именно Ямал выделяется как территория, где наибольший процент коренного населения говорит на своём родном языке, что является значимым маркером сохранения культуры коренных народов. В то же время с точки зрения экономического благосостояния Ямал — наиболее проблемный регион, что подтверждается низким уровнем жизни коренного населения и препятствиями на пути дальнейшего развития оленеводства в округе.

Финляндия наиболее близка к рыночной модели экономики коренных народов. Здесь оленеводство является экономически прибыльным видом хозяйственной деятельности, успешно интегрированным в рыночные отношения. Хорошо развитый туризм обеспечивает рынок сбыта для продукции саамов и, таким образом, создаёт условия для успешного функционирования саамской экономики в рыночном формате. В то же время чрезмерно успешная коммерциализация элементов саамской культуры ставит вопрос об её апроприации внешними акторами.

Развитие арктических коренных народов США представляет собой промежуточную модель, имеющую элементы, характерные и для России, и для Финляндии. Коренные народы Аляски активно вовлечены в коммерческую деятельность и рыночные отношения, это произошло во многом благодаря закону 1971 г. и созданию национальных корпораций. Корпорации получают доходы от добычи полезных ископаемых, находящихся на территориях проживания коренных народов, а также от инвестиционной деятельности. В то же время традиционное природопользование на Аляске не является экономически выгодным для коренных жителей, но позволяет сохранить некоторые традиции. На Аляске, как и в Финляндии, происходит значительная коммерциализация традиционной культуры.

Можно выделить несколько ключевых факторов, влияющих на дальнейшее развитие хозяйственной и культурной жизни коренных народов. Поскольку экономика коренных народов привязана к местам их традиционного проживания, важную роль играет порядок пользования землёй. На Аляске гарантированные права на земли коренных жителей позволили им развить предпринимательскую активность на своих территориях и создавать корпорации, получающие доход от использования природных ресурсов. В то же время права на землю и владение акциями корпораций коренных жителей стали причиной конфликтов внутри местных сообществ. В Финляндии саамы не обладают такими исключительными правами на земли, как коренное население Аляски, что делает их положение более уязвимым и зависимым от других акторов (государства и бизнеса). В России ситуация с правами коренных жителей на землю ещё сложнее, поскольку существует формализованный режим пользования землёй, в рамках которого работают компании и государственные оленеводческие совхозы и традиционный режим, базирующийся на обычае, в рамках которого живут оленеводы-частники. Поскольку на Ямале оленеводы-частники не имеют юридически закреплённых за ними земель для ведения традиционной хозяйственной деятельности, в большинстве случаев при занятии традиционной хозяйственной деятельностью представители коренных народов руководствуются обычаем, что часто противоречит действующему законодательству. Такие противоречия провоцируют конфликты с другими акторами и затрудняют дальнейшее развитие экономической деятельности коренных народов.

Ещё одним важным фактором является процесс принятия решений, затрагивающих интересы коренного населения. В Финляндии саамы имеют парламент, который занимается решением вопросов, связанных с их культурной автономией. Однако во всех остальных вопросах саамы руководствуются решениями финского парламента. Финляндия предоставила саамам ограниченные возможности для участия в принятии значимых для них решений через закрепление на законодательном уровне международного принципа свободного предварительного и осознанного согласия (Free Prior and Informed Consent) [Guttorm 2017]. На Аляске и в России действуют организации, представляющие интересы коренного населения (Межобщинный совет Аляски, «Ямал потомкам» и др.), однако они обладают ещё меньшими полномочиями и возможностями, чем саамский парламент. Тем не менее представители коренных народов часто говорят о своей заинтересованности не столько в компенсациях и поддержке их жизнедеятельности, сколько в возможности участия в процессах принятия решений и управления своими территориями и ресурсами. Кроме того, они готовы сотрудничать с государством по вопросам использования и охраны арктических ресурсов в соответствии со своими традиционными ценностями и знаниями [Gladun, Chebotarev 2015]. В этом случае культура коренного населения поддерживается не только через сохранение традиционных видов хозяйственной деятельности, но и через институты самоуправления.

Важную роль в переходе коренных народов к рынку играет государственная политика в отношении коренных народов. Так, разные виды патернализма характерны для всех трёх стран, поскольку они частично поддерживают натуральное хозяйство коренных народов через государственные программы и обязательства компаний. Коренные народы получают субсидии и льготы от государства для сохранения традиционной хозяйственной деятельности даже в условиях её экономической неэффективности (как в России). При этом значимость оленеводства и других традиционных занятий рассматривается не только с экономической точки зрения, но и с позиции сохранения аборигенной культуры [Tuck, Nuskey 1986], то есть социально-культурный патернализм ярче проявляется в России и в Финляндии. Иногда государство выбирает стратегию стимулирования производства местных товаров и услуг. Другими подходами могут быть расширение местных рынков и инфраструктурная поддержка (транспорт, дороги, перерабатывающие предприятия в США) и предоставление сообществам коренных народов значительных политических прав (политический патернализм в США).

В целом в настоящее время преобладает смешанная модель экономики коренных народов. Сочетание различных типов хозяйственной деятельности (натуральное хозяйство, рыночные отношения, государ-

ственная поддержка) предопределяет разные формы трансформации экономики коренных народов, то есть рыночной модели, предполагающей взаимодействие с внешними акторами; традиционной модели, более ориентированной на взаимодействия внутри своего сообщества; патерналистской модели, обеспечиваемой со стороны государства. В процессе адаптации к новым условиям происходит также и трансформация культурных кодов и паттернов поведения, которые позволяют поддерживать множественность различных режимов взаимодействия как внутри коренных сообществ, так и с внешними акторами.

Вполне возможно, что зарубежный опыт поддержки культуры и языка (Финляндия) и коммерциализации традиционных видов хозяйственной деятельности (США) может сформировать в России направления для нового патернализма — конституционно обусловленной и ответственной государственной политики сохранения, развития, участия, но не консервации социально-экономического и культурного состояния коренных народов.

Приложение

Таблица П.1

Характеристики респондентов

№ интервью	Респондент	Год интервьюирования	Место проживания респондента
1.	Глава оленеводческой общины	2017	Ямальский район, ЯНАО, Россия
2.	Местный житель	2020	Тазовский район, ЯНАО, Россия
3.	Местный житель, инуит	2019	г. Анкоридж, Аляска, США
4.	Местный житель, оленевод	2017	Ямальский район, ЯНАО, Россия
5.	Местный житель, юпик	2019	г. Бетел, Аляска, США
6.	Представитель окружных органов власти	2017	г. Салехард, ЯНАО, Россия
7.	Представитель районной администрации	2017	Ямальский район, ЯНАО, Россия

Литература

- Баскин Л. М. 2016. Современное оленеводство в России: состояние, мобильность, права собственности, патернализм государства. *Этнографическое обозрение*. 2: 28–43.
- Гоголев П. В. 2014. Конституционно-правовые основы патернализма и партнёрства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. *Диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.02*. Москва.
- Голомидова П. С., Сабуров А. А. 2016. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы. *Арктика и Север*. 25: 61–77.
- Давыдов В. 2006. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 9 (3): 93–109.
- Деттер Г. Ф. 2017а. Экономика северного оленеводства Ямала: проблемы и возможности. *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 4 (97): 4–16.
- Деттер Г. Ф. 2017б. Модели освоения ресурсов и территорий Ямало-Ненецкого автономного округа. *Арктика и Север*. 26: 98–116.

- Деттер Г. Ф. 2021. Влияние институциональных особенностей северного оленеводства Ямала на формирование проблем, противоречий и вызовов для управления и социума. *Научный Вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 2 (111): 6–26.
- Димаджио П. 2004. Культура и хозяйство. *Экономическая социология*. 5 (3): 45–65. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2004-5-3/26593924.html>
- Зуев С. М. 2015. Оленеводство в Ямало-Ненецком автономном округе: перспективы и проблемы. *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 3 (88): 62–70.
- Жидкова Н. Г., Тулаева С. А. 2020. Культурная политика в российских регионах: коренные народы, государство и корпорации. *Журнал исследований социальной политики*, 18 (3): 429–444.
- Кибенко В. А., Сухова Е. А., Зуев С. М. 2017. Социально-экономические факторы жизнедеятельности кочевого населения Ямало-Ненецкого автономного округа. *Вестник ТюмГУ: Социально-экономические и правовые исследования*. 3 (3): 33–44.
- Кряжков В. А. 2016. Право коренных малочисленных народов на традиционное природопользование (на примере охоты). *Государство и право*. 11: 32–42
- Мартынова Е. П. 2021. Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье. *Вестник антропологии*. 2 (46): 72–85.
- Новикова Н. И. 2013. Коренные народы российского Севера и нефтегазовые компании: преодоление рисков. *Арктика: экология и экономика*. 3 (11): 102–111.
- Новикова Н. И. 2021. Аборигенное предпринимательство в России: ресурсы, технологии и социальные институты. *Вестник антропологии*. 2 (46): 5–18.
- О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации (№ 82-ФЗ). 1999. *Федеральный закон от 30 апреля 1999 г.* URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>
- О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (№ 49-ФЗ). 2001. *Федеральный закон от 7 мая 2001 г.* URL: <http://base.garant.ru/12122856/>
- Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (с изменениями и дополнениями) (№ 104-ФЗ). 2000. *Федеральный закон от 20 июля 2000 г.* URL: <http://base.garant.ru/182356/>
- Об утверждении комплексной программы «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе на 2018–2022 годы. 2018. *Постановление Правительства ЯНАО от 12 декабря 2018 г. № 1271-П.* URL: <https://docs.cntd.ru/document/550269204>
- Пика А. И. (1996) Неотрадиционализм на российском Севере. *Социологические исследования*. 11: 47–53.
- Поланья К. 2002. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени.* СПб.: Алетейя.

- Правительство ЯНАО. 2021. Ямало-Ненецкий автономный округ. О регионе. *Официальный сайт правительства ЯНАО*. URL: <https://www.yanao.ru/>
- Северное оленеводство. 2019. *Департамент агропромышленного комплекса ЯНАО*. URL: <https://dapk.yanao.ru/activity/1843/>
- Филант К. 2016. Об образовании территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе. *Проблемы современной науки и образования*. 39 (81): 83–92.
- Филант К. 2017. Особенности правового регулирования северного оленеводства. *Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа*. 4 (97): 17–27.
- Хазанов А. М. 2017. После социализма: Судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России. *Вестник антропологии*. 2 (38): 45–85.
- Юдин В. И. 2012. Государственная политика России в отношении коренных малочисленных народов Севера: социально-политический анализ. *Власть*. 2: 40–44.
- Act on Elementary School. 1983. *Now Act on Elementary Education 21.8.1998/628*. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1998/19980628?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=peruskoululaki>
- Alaska Federation of Natives. 2019. *Alaska, USA. Official Website*. URL: <https://www.nativefederation.org/alaska-native-peoples/>
- Alaska Native Claims Settlement Act, 43 USC 1601-1624, 85 Stat. 688. 1971. *Public Law 92–203, approved December 18, 1971*. URL: <https://arcticgovernance.custompublish.com/alaska-native-claims-settlement-act-ancsa.4881116-137746.html>
- Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy. 1994. *HE 248/1994 vp*. Finland. URL: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/1994/19940248?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=248%2F1994>
- BurnSilver S., et al. 2016. Are Mixed Economies Persistent or Transitional? Evidence Using Social Networks from Arctic Alaska. *American Anthropologist*. 118 (1): 121–129.
- BurnSilver S. et al. 2017. Modeling Tradeoffs in a Rural Alaska Mixed Economy: Hunting, Working, and Sharing in the Face of Economic and Ecological Change. In: Hegmon M. (ed.) *The Give and Take of Sustainability: Archaeological and Anthropological Perspectives on Tradeoffs*. Cambridge: Cambridge University Press; 52–83.
- Constitution of Finland*. 1999. (731/1999, amendments up to 817/2018 included.) Helsinki: Ministry of Justice. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf>
- Dinero S. C. 2003. Analysis of a ‘Mixed Economy’ in an Alaskan Native Settlement: The Case of Arctic Village. *Canadian Journal of Native Studies*. 23 (1): 135–164.
- Dworkin G. 1972. Paternalism. *Monist*. 56 (1): 64–84.

- Ellanna L. J., Wheeler P. C. 1989. Wetlands and Subsistence-Based Economies in Alaska, U.S.A. *Arctic and Alpine Research*. 21 (4): 329–340
- Finland Pays Billionaire 400,000 Euros in Agricultural Subsidies. 2018. *News*. URL: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/finland_pays_billionaire_400000_euros_in_agricultural_subsidies/10126993
- Gladun E., Chebotarev G. 2015. Participation of the Northern Indigenous Peoples in the Management of the Russian Arctic Territories and Its Legal Protection. *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*. 8 (1): 111-133.
- Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S. 2021. Indigenous Economies in the Arctic: To Thrive or to Survive? *Elementa*. 9 (1): 00088. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.2019.00088>
- Gladun E., Zakharova O. 2020. Environmental Perceptions and Values of the Russian Northern Indigenous Peoples. In: Bunikowski D., Hemmings A. D. (eds) *Philosophies of polar law*. New York: Routledge; 172–186.
- Glomsrod S., Duhaime G., Aslaksen I. 2015. *The Economy of the North*. Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway).
- Goldsmith S., Hull T., Reeder B. 1984. Alaska's Economy Since Statehood: The ISER MAP Economic Data Base. *Alaska Review of Social and Economic Conditions*. 21 (1): 1–36.
- Guttorm J. 2017. *Sami Autonomy in Finland*. Rovaniemi: University of Lapland.
- Hosmer B. C. 1999. *American Indians in the Marketplace: Persistence and Innovation among the Menominees and Metlakatlans, 1870–1920*. Lawrence: The University Press of Kansas.
- Huskey L. 2005. Challenges to Economic Development: Dimensions of “Remoteness” in the North. *Polar Geography*. 29 (2): 119–125.
- Kassam K. A. 2004. Hunting, Subsistence. In: Nuttall M. (ed.) *Encyclopedia of the Arctic*. New York: Routledge; 65–80.
- Knapp G. 2012. *An Introduction to the Economy of Alaska*. URL: iseralaska.org/static/legacy_publication_links/presentations/2012_02-Introduction_to_Economy_of_Alaska.pdf
- Kofinas G. et al. 2016. *Subsistence Sharing Networks and Cooperation: Kaktovik, Wainwright, and Venetie*. Alaska: BOEM Report 2015–023.
- Kuokkanen R. J. 2006. The Logic of the Gift: Reclaiming Indigenous Peoples' Philosophies. In: Botz-Bornstein Th., Hengelbrock J. (eds) *Re-Ethnicizing the Minds?* Amsterdam: RODOPI; 251–271.
- Kuokkanen R. J. 2011. Indigenous Economies, Theories of Subsistence, and Women: Exploring the Social Economy Model for Indigenous Governance. *American Indian Quarterly*. 35 (2): 215–240.
- Kuokkanen R. J. 2019. *Restructuring Relations: Indigenous Self-Determination, Governance and Gender*. Oxford, UK: Oxford University Press.

- Kvale S. 1996. *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*. Thousand Oaks: SAGE.
- Kyllönen S. et al. 2006. Conflict Management as a Means to Sustainable Use of Natural Resources. *Silva Fennica*. 40 (4): 687–728. URL: <https://jukuri.luke.fi/bitstream/handle/10024/532619/conflict.pdf?sequence=1&isAllowed=y>
- Langdon S. J. 1986. Contradictions in Alaskan Native Economy and Society. In Langdon S. (ed). *Contemporary Alaskan Native Economies*. Lanham, MD: University Press of America; 29–46.
- Larsen J. N., Huskey L. 2015. The Arctic Economy in a Global Context. In: Evengård B., Larsen J. N., Paasche Ø. (eds) *The New Arctic*. Cham: Springer; 159–174.
- Larsen S. V. et al. 2019. A Conceptual Framework of Arctic Economies for Policy-Making, Research, and Practice. *Global Policy*. 10 (4): 686–696. DOI: [10.1111/1758-5899.12720](https://doi.org/10.1111/1758-5899.12720)
- Lonner T. D. 2000. *Subsistence as an Economic System in Alaska: Theoretical and Policy Implications*. Anchorage: Alaska Department of Fish and Game.
- Mitchell D. G. 2001. *Take My Land, Take My Life. The Story of Congress's Historic Settlement of Alaska Native Claims, 1960–1971*. Fairbanks: University of Alaska Press.
- Nuorgam P. 2017. Wider Use of Traditional Sámi Dress in Finland: Discrimination against the Sámi? In: Xanthaki A. et al. (eds) *Indigenous Peoples' Cultural Heritage: Rights, Debates and Challenges*. Leiden; Boston: Brill Nijhoff; 229–252.
- Nysten-Haarala S. 2018. Arctic Railway Threatening Reindeer Herding. *Retfærd*. 41 (2): 66–69.
- Nystén-Haarala S., Joonas T., Hovila I. 2021. Wind Energy Projects and Reindeer Herders' Rights in Finnish Lapland: A Legal Framework. *Elementa*. 9 (1): 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.202120.00037>
- Pickering K. A. 2000. *Lakota Culture, World Economy*. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Poppel B. 2006. Interdependency of Subsistence and Market Economies in the Arctic. In: Glomsrod S., Duhaime G., IAslaksen Iu. (eds) *The Economy of the North*. Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway); 65–80.
- Poppel B., Kruse J. 2010. The Importance of a Mixed Cash- and Harvest Herding Based Economy to Living in the Arctic — An Analysis Based on Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA). In: Møller V., Huscka D. (eds) *Quality of Life in the New Millennium: Advances in Quality-of-Life Studies, Theory and Research*. New York: Springer Verlag (Social Indicators Research Series); 27–42.
- Poppel B. et al. 2007. *Survey of Living Conditions in the Arctic: Results*. Anchorage: Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage.
- Raento P., Kai H. 2001. Cultural Diversity in Finland. *Fennia*. 180 (1–2): 151–164.
- Regional Alaska Native Corporations Status. 40 Years after Establishment, and Future Considerations. 2012. Highlights of GAO-13-121, A Report to Congressional Requesters. URL: www.gao.gov/assets/660/650857.pdf

- Reindeer Herders' Association. 2019. *Reindeer Info. Official Website*. URL: paliskunnat.fi/reindeer-herders-association/
- The Sami in Finland. 2019. URL: <https://www.samediggi.fi/sami-info/?lang=en>
- Scott J. C. 1977. *The Moral Economy of the Peasant*. New Haven: Yale University Press.
- Stammler F. 2005. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*. Muenster: Litverlag.
- Stuckenberger N. 2007. *Thin Ice: Inuit Traditions within a Changing Environment*. Hanover, NH: Hood Museum of Art.
- The Sami Parliament, Inari. 2007. *The Current Situation of Traditional Sami Livelihoods in Finland — Background for Indicators of the Biodiversity Agreement*. URL: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2019/01/Perinteiset-saamelaiset-elinkeinot-2.pdf>
- Tuck B. H., Huskey L. 1986. Economic Growth and Development Strategies for Rural Alaska: A Time to Reconsider. In: Langdon S. J. (ed.) *Contemporary Alaska Native Economies*. Lanham, MD: University Press of America; 1–14.
- Tulaeva S., Nysten-Haarala S. 2019. Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements. *Resources*. 8 (2): 86. URL: <https://doi.org/10.3390/resources8020086>
- United Nations. 2007. *United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. URL: <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples.html>
- Williams G. 1985. Population Growth and Migration in Alaska. *Alaska Economic Trends*. 5 (10): 1–10.
- Wolfe R. J., Ellanna L. J. 1983. *Resource Use and Socio-economic Systems: Case Studies of Fishing and of Fishing and Hunting in Alaskan Communities*. Technical Report No. 61. Juneau: Department of Fish and Game, Division of Subsistence.
- Wolfe R. J., Walker R. J. 1987. Subsistence Economies in Alaska: Productivity, Geography, and Development Impacts. *Arctic Anthropology*. 24 (2): 56–81.
- Zukin S., DiMaggio P. 1990. Introduction. In: Zukin S., DiMaggio P. (eds) *Structures of Capital: The Social Organization of the Economy*. New York: Cambridge University Press; 1–56.

NEW TEXTS

Elena Gladun, Soili Nysten-Haarala, Svetlana Tulaeva, Olga Zakharova

Indigenous economy in the Arctic regions: traditions, market, state (on the example of the transformation of the economic activity of the Indigenous peoples in Russia, Finland, and the USA)

GLADUN, Elena — PhD in Law, Professor, Tyumen State University. Address: Volodarsky street, 6, 625003, Tyumen, Russian Federation.

Email: e.f.gladun@utmn.ru

NYSTEN-HAARALA, Soili — LL.D., Professor, University of Lapland. Address: Yliopistonkatu 8, Box 112, FI-961010, Rovaniemi, Finland.

Email: soili.nysten-haarala@ulapland.fi

TULAEVA, Svetlana — PhD in sociology, PhD in Legal Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute, Associate professor. Address: Vasilevskiy Island, 57 Sredny prospect, 199178, St. Petersburg, Russian Federation.

Email: svett07@mail.ru

ZAKHAROVA, Olga — PhD in Philosophy, Associate Professor, Tyumen State University. Address: Volodarsky street, 6, 625003, Tyumen, Russian Federation.

Email: o.v.zakharova@utmn.ru

Abstract

The article describes the interaction of the economy and culture, in the frameworks of Indigenous economic development. It implies strong embeddedness of the economic activities of Indigenous peoples in their social and cultural life. The Indigenous economy is based on traditional nature management and it is closely linked to their knowledge of nature, folklore, language, social norms and expectations. At the same time, the active inclusion of Indigenous communities into market relations leads to significant social and economic transformations of their lives. This implies the question of how to preserve the unique Indigenous culture in the market context. The paper considers three different scenarios for the development of the Indigenous economy in the Arctic regions using the examples of Russia, Finland and the United States. In Russia, the state plays a significant role by providing paternalistic care to the Indigenous population and focusing on the preservation of traditional culture; Finland is dominated by a market scenario for the development of Indigenous traditional economies and governmental support for indigenous culture and welfare; and the United States represents an intermediate case in which market incentives and paternalism are combined. The article also examines how the chosen scenario affected the social and cultural aspects of the life of the Indigenous people. The latter are associated with a new attitude to nature, the development of new cultural patterns, and the emergence of new culturally colored types of economic activity. The study is based on qualitative methodology. The main research methods were semi-structured interviews, observations, and analysis of documents.

Keywords: Arctic; Indigenous economy, Indigenous culture; Indigenous rights; mixed economy; state paternalism.

References

Act on Elementary School (1983) *Now Act on Elementary Education 21.8.1998/628*. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1998/19980628?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=perusko-ululaki> (accessed 30 November 2019).

- Alaska Federation of Natives (2019) *Alaska, USA. Official Website*. Available at: <https://www.nativefederation.org/alaska-native-peoples/> (accessed 10 October 2019).
- Alaska Native Claims Settlement Act, 43 U.S.C. 1601-1624 (85 Stat. 688) (1971). Available at: https://www.ssa.gov/OP_Home/comp2/F092-203.html (accessed 10 October 2019).
- Baskin L. M. (2016) Sovremennoe olenevodstvo v Rossii: sostoyanie, mobil'nost', prava sobstvennosti, paternalizm gosudarstva [Modern Reindeer Husbandry in Russia: State, Mobility, Property Rights, Paternalism of the State]. *Ethnographic Review = Etnograficheskoe obozrenie*, no 2, pp. 28–43 (in Russian).
- Bill of the Government to the Parliament on Sami Cultural Autonomy (HE 248/1994). (1994) Finland. Available at: <https://www.finlex.fi/fi/esitykset/he/1994/19940248?search%5Btype%5D=pika&search%5Bpika%5D=248%2F1994> (accessed 30 November 2019).
- BurnSilver S., Boone R. B., Kofina G. P., Brinkman T. J. (2017) Modeling Tradeoffs in a Rural Alaska Mixed Economy: Hunting, Working, and Sharing in the Face of Economic and Ecological Change. *The Give and Take of Sustainability: Archaeological and Anthropological Perspectives on Tradeoffs* (ed. M. Hegmon), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 52–83.
- BurnSilver S., Magdanz J., Stotts R., Berman M., Kofinas G. (2016) Are Mixed Economies Persistent or Transitional? Evidence Using Social Networks from Arctic Alaska. *American Anthropologist*, vol. 118, pp. 121–129.
- Constitution of Finland* (1999) (731/1999, amendments up to 817/2018 included) Available at: <https://www.finlex.fi/fi/laki/kaannokset/1999/en19990731.pdf> (accessed 30 November 2019).
- Davydov V. (2006) Kul'turnaya autentichnost' i korennyye narody: institutsional'nye protsessy i politika identichnosti [Cultural Authenticity and Indigenous Peoples: Institutional Processes and Identity Politics]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology = Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. 9, no 3, pp. 93–109 (in Russian).
- Detter G. F. (2017a) Ekonomika severnogo olenevodstva Yamala: problemy i vozmozhnosti [The Economy of Reindeer Herding in Yamal: Problems and Opportunities]. *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug = Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, no 4 (97), pp. 4–16 (in Russian).
- Detter G. F. (2017b) Modeli osvoeniya resursov i territoriy Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Models of Development of Resources and Territories of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Arctic and North = Arktika i Sever*, no 26, pp. 98–116 (in Russian).
- DiMaggio P. (2004) *Kul'tura i khozyaystvo* [Culture and Economy]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 5, no 3, pp. 45–65. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204958/ecsoc_t5_n3.pdf#page=45 (accessed 30 November 2019) (in Russian).
- Dinero S. C. (2003) Analysis of a 'Mixed Economy' in an Alaskan Native Settlement: The Case of Arctic Village. *Canadian Journal of Native Studies*, vol. 23, no 1, pp. 135–164.
- Dworkin G. (1972) Paternalism. *Monist*, vol. 56, no 1, pp. 64–84.

- Ellanna L. J., Wheeler P. C. (1989) Wetlands and Subsistence-Based Economies in Alaska, U.S.A. *Arctic and Alpine Research*, vol. 21, no 4, pp. 329–340.
- Finland Pays Billionaire 400,000 Euros in Agricultural Subsidies. (2018) *News*. Available at: https://yle.fi/uutiset/osasto/news/finland_pays_billionaire_400000_euros_in_agricultural_subsidies/10126993 (accessed 30 November 2019).
- Zhidkova N., Tulaeva S. (2020) Kul'turnaya politika v rossiyskikh regionakh: korennyye narody, gosudarstvo i korporatsii [Cultural Policy in Russia's Regions: The State, Corporations and Indigenous People]. *The Journal of Social Policy Studies = Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 18, no 3, pp. 429–444 (in Russian).
- Gladun E., Chebotarev G. (2015) Participation of the Northern Indigenous Peoples in the Management of the Russian Arctic Territories and Its Legal Protection. *The NISPAcee Journal of Public Administration and Policy*, vol. 8, no 1, pp. 111–133.
- Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S. (2021) Indigenous Economies in the Arctic: To Thrive or to Survive? *Elementa*, vol. 9, no 1, pp. 1–21. Available at: <https://doi.org/10.1525/elementa.2019.00088> (accessed 30 March 2022).
- Gladun E., Zakharova O. (2020) Environmental Perceptions and Values of the Russian Northern Indigenous Peoples. *Philosophies of Polar Law* (eds. D. Bunikowski, A. D. Hemmings), New York, NY: Routledge, pp. 172–187.
- Glomsrod S., Duhaime G., Aslaksen I. (2015) *The Economy of the North*, Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway).
- Gogolev P. V. (2014) Konstitutsionno-pravovye osnovy paternalizma i partnerstva v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii [Constitutional and Legal Foundations of Paternalism and Partnership in Relation to the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Russian Far East]. *Dissertatsiya ... doktora yuridicheskikh nauk: 12.00.02* [Dissertation ... Doctors of Law: 12.00.02], Moscow (in Russian).
- Goldsmith S., Hull T., Reeder B. (1984) Alaska's Economy Since Statehood: The ISER MAP Economic Data Base. *Alaska Review of Social and Economic Conditions*, vol. 21, no 1, pp. 1–36.
- Golomidova P. S., Saburov A. A. (2016). Gosudarstvennaya politika v otnoshenii korennykh narodov Alyaski: istoricheskiy obzor i sovremennyye problemy [State Policy Towards Indigenous Peoples of Alaska: Historical Review and Contemporary Issues]. *Arctic and North = Arktika i Sever*, no 25, pp. 61–77 (in Russian).
- Government of the Yamal-Nenets Autonomous District. (2021) Yamalo-nenetskiy avtonomnyy okrug. O regione [Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. About the Region]. *The Official Website of the Government of the Yamal-Nenets Autonomous District*. Available at: <https://www.yanao.ru> (accessed 10 May 2021) (in Russian).
- Guttorm J. (2017) *Sami Autonomy in Finland*, Rovaniemi: University of Lapland (in Finnish).
- Hazanov A. M. (2017) Posle sotsializma: Sud'by skotovodstva v Tsentral'noy Azii, Mongolii i Rossii [The Fate of Cattle Breeding in Central Asia, Mongolia and Russia]. *Herald of Anthropology = Vestnik Antropologii*, no 2 (38), pp. 45–85 (in Russian).

- Hosmer B. C. (1999) *American Indians in the Marketplace: Persistence and Innovation among the Menominees and Metlakatlans, 1870–1920*, Lawrence: The University Press of Kansas.
- Huggan G. (2001) *The Postcolonial Exotic: Marketing the Margins*, London; New York: Routledge.
- Huskey L. (2005) Challenges to Economic Development: Dimensions of “Remoteness” in the North. *Polar Geography*, vol. 29, no 2, pp. 119–125.
- Kassam K. A. (2004) Hunting, Subsistence. *Encyclopedia of the Arctic* (ed. M. Nuttall), New York: Routledge, pp. 65–80.
- Kibenko V. A., Sukhova E. A., Zuev S. M. (2017) Social’no-ekonomicheskie faktory zhiznedeyatel’nosti kochevogo naseleniya Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Socio-Economic Factors of the Nomadic Population of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research = Vestnik TyumGU: Sotsial’no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya*, vol. 3, no 3, pp. 33–44 (in Russian).
- Kryazhkov V. A. (2016) Pravo korennykh malochislennykh narodov na traditsionnoe prirodopol’zovanie (na primere okhoty) [The Right of Indigenous Peoples to Traditional Lands (For Example Hunting)]. *State and Law = Gosudarstvo i pravo*, no 11, pp. 32–42 (in Russian).
- Knapp G. (2012) *An Introduction to the Economy of Alaska*. Available at: iseralaska.org/static/legacy_publication_links/presentations/2012_02-Introduction_to_Economy_of_Alaska.pdf (accessed 10 May 2021).
- Kofinas G., BurnSilver Sh. B., Magdanz J., Stotts R., Okada M. (2016) *Subsistence Sharing Networks and Cooperation: Kaktovik, Wainwright, and Venetie, Alaska*: BOEM Report 2015–023.
- Kuokkanen R. J. (2006) The Logic of the Gift: Reclaiming Indigenous Peoples’ Philosophies. *Re-Ethnicizing the Minds?* (eds. Th. Botz-Bornstein, J. Hengelbrock), Amsterdam: RODOPI, pp. 251–271.
- Kuokkanen R. J. (2011) Indigenous Economies, Theories of Subsistence, and Women: Exploring the Social Economy Model for Indigenous Governance. *American Indian Quarterly*, vol. 35, no 2, pp. 215–240.
- Kuokkanen R. J. (2019) *Restructuring Relations: Indigenous Self-Determination, Governance and Gender*, Oxford, UK: Oxford University Press.
- Kvale S. (1996) *Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing*, Thousand Oaks: SAGE.
- Kyllönen S., Colpaert A., Heikkinen H., Jokinen M., Kumpula J., Marttunen M., Muje K., Raitio K. (2006) Conflict Management as a Means to Sustainable Use of Natural Resources. *Silva Fennica*, vol. 40, no 4, pp. 687–728. Available at: <https://silvafennica.fi/article/323> (accessed 30 November 2019).
- Langdon S. J. (1986) Contradictions in Alaskan Native Economy and Society. *Contemporary Alaskan Native Economies* (ed. S. Langdon), Lanham, MD: University Press of America, pp. 29–46.
- Larsen J. N., Huskey L. (2015) The Arctic Economy in A Global Context. *The New Arctic* (eds. B. Evengård, J. N. Larsen, Ø. Paasche), Cham: Springer, pp. 159–174.

- Larsen S. V., Bors E. K., Johannsdottir L., Gladun E., Gritsenko D., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Sformo T. (2019) A Conceptual Framework of Arctic Economies for Policy-Making, Research, and Practice. *Global Policy*, vol. 10, no 4, pp. 686–696.. DOI: 10.1111/1758-5899.12720. Available at: <https://www.global-policyjournal.com/articles/global-governance/conceptual-framework-arctic-economies-policy-making-research-and> (accessed 30 November 2019).
- Lonner T. D. (2000) *Subsistence as an Economic System in Alaska: Theoretical and Policy Implications*, Anchorage: Alaska Department of Fish and Game.
- Martynova E. P. (2019) Aborigennoe predprinimatel'stvo v Severnom Priob'e [Aboriginal Entrepreneurship in the Northern Ob Region]. *Herald of Anthropology = Vestnik Antropologii*, vol. 2, no 46, pp. 72–85 (in Russian).
- Mitchell D. G. (2001) *Take My Land, Take My Life. The Story of Congress's Historic Settlement of Alaska Native Claims, 1960–1971*, Fairbanks: University of Alaska Press.
- Novikova N. I. (2013) Korennye narody rossiyskogo Severa i neftegazovye kompanii: preodolenie riskov [Indigenous Peoples of the Russian North and Oil and Gas Companies: Overcoming Risks]. *Arctic: Ecology and Economy = Arktika: ekologiya i ekonomika*, vol. 11, no 3, pp. 102–111 (in Russian).
- Novikova N. I. (2021) Aborigennoe predprinimatel'stvo v Rossii: resursy, tekhnologii i social'nye instituty [Indigenous Entrepreneurship in Russia: Resources, Technologies, Social Institutions]. *Herald of Anthropology = Vestnik Antropologii*, vol. 2, no 46, pp. 5–18 (in Russian).
- Nuorgam P. (2017) Wider Use of Traditional Sámi Dress in Finland: Discrimination against the Sámi? *Indigenous Peoples' Cultural Heritage: Rights, Debates and Challenges* (eds. A. Xanthaki, S. Valkonen, L. Heinämäki, P. Nuorgam), Leiden; Boston: Brill Nijhoff, pp. 229–252.
- Nysten-Haarala S. (2018) Arctic Railway Threatening Reindeer Herding. *Retfærd*, vol. 41, no 2, pp. 66–69.
- Nystén-Haarala S., Joonas T., Hovila I. (2021) Wind Energy Projects and Reindeer Herders' Rights in Finnish Lapland: A Legal Framework. *Elementa*, vol. 9, no 1, pp. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1525/elementa.202120.00037>
- O garantiyakh prav korennykh malochislennykh narodov Rossiyskoy Federatsii (№ 82-FZ) [On Guarantees of Rights of Small Indigenous Peoples of the Russian Federation. (No. 82-FZ)] (1999) *Federal Law from April 30, 1999*. Available at: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- O territoriakh traditsionnogo prirodopolzovania korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiiskoy Federatsii (№ 49-FZ) [On Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Numerically Small Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation (No. 49-FZ)] (2001) *Federal Law from May 7, 2001*. Available at: <http://base.garant.ru/12122856/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- Ob obshchikh printsipakh organizatsii obshchin korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiiskoy Federatsii (№ 104-FZ) [On General Principles of Organization of Communities of Indigenous Numerically Small Peoples of the North, Siberia and Far East of the Russian Federation (No. 104-FZ)] (2000) *Federal Law from July 20, 2000*. Available at: <http://base.garant.ru/182356/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).

- Ob utverzhdenii kompleksnoy programmy “Ustojchivoe razvitie korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge na 2018-2022 gody” [On approval of the comprehensive program “Sustainable development of Indigenous Numerically Small Peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug for 2018-2022] (No 1271-II). (2018) *Resolution of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of December 12, 2018*. Available at: <https://www.garant.ru/hotlaw/yamalonenetskiy/1234977/> (accessed 21 October 2016) (in Russian).
- Philant K. (2016) Ob obrazovanii territoriy traditsionnogo prirodopol'zovaniya korennykh malochislennykh narodov Severa v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge [On the Formation of Territories of Traditional Nature Use of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. *Problems of Modern Science and Education = Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya*, vol. 39, no 81, pp. 83–92 (in Russian).
- Philant K. (2017) Osobennosti pravovogo regulirovaniya Severnogo olenevodstva [Features of the Legal Regulation of Reindeer Husbandry]. *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug = Nauchnyj vestnik Yamalo-Nenetskoogo avtonomnogo okruga*, vol 4, no 97, pp. 17–27 (in Russian).
- Pickering K. A. (2000) Alternative Economic Activities. *Lakota Culture, World Economy* (ed. K. A. Pickering), Lincoln: University of Nebraska Press, pp. 36–54.
- Pika A. I. (1996) Neotraditsionalizm na rossiyskom Severe [Neotraditionalism in the Russian North]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 11, pp. 47–53 (in Russian).
- Polanyi K. (2002) Velikaya transformatsiya. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni [A Great Transformation. The Political and Economic Origins of Our Time], St. Petersburg: Alethea (in Russian).
- Poppel B. (2006) Interdependency of subsistence and market economies in the Arctic. *The Economy of the North* (eds. S. Glomsrod, G. Duhaime, Iu. Aslaksen), Oslo; Kongsvinger: Statistisk sentralbyrå (Statistics Norway), pp. 65–80.
- Poppel B., Kruse J. (2010) The Importance of a Mixed Cash- and Harvest Herding Based Economy to Living in the Arctic — An Analysis Based on Survey of Living Conditions in the Arctic (SLiCA). *Quality of Life in the New Millenium: Advances in Quality-of-Life Studies, Theory and Research* (eds. V. Møller, D. Huscka), New York: Springer Verlag (Social Indicators Research Series), pp. 27–29.
- Poppel B., Kruse J., Duhaime G., Abryutina L. (2007) *Survey of Living Conditions in the Arctic: Results*. Anchorage: Institute of Social and Economic Research, University of Alaska Anchorage.
- Raento P., Kai H. (2001) Cultural Diversity in Finland. *Fennia*, vol. 180, no 1–2, pp. 151–164.
- Regional Alaska Native Corporations Status. 40 Years after Establishment, and Future Considerations*. (2012) Highlights of GAO-13-121, A Report to Congressional Requesters. Available at: www.gao.gov/assets/660/650857.pdf (accessed 10 October 2019).
- Reindeer Herders' Association. (2019) *Reindeer Info. Official Website*. Available at: <https://paliskunnat.fi/reindeer-herders-association/reindeer-info/> (accessed 10 October 2019).
- Sami in Finland*. (2019) Available at: <https://www.samediggi.fi/sami-info/?lang=en> (accessed 12 May 2020).

- The Sami Language. (2019) *Official Website*. Available at: <https://www.samediggi.fi/sami-info/?lang=en> (accessed 10 May 2020).
- The Sami Parliament, Inari. (2007) *The Current Situation of traditional Sami livelihoods in Finland — Background for indicators of the Biodiversity Agreement*. Available at: <https://www.samediggi.fi/wp-content/uploads/2019/01/Perinteiset-saamelaiset-elinkeinot-2.pdf> (accessed 10 October 2019).
- Scott J. C. (1977) *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*, New Haven and London: Yale University Press.
- Severnoe olenevodstvo [Northern Reindeer Husbandry] (2019) *Departament agropromyshlennogo kompleksa YANAO* [Department of the Agro-Industrial Complex of the Yamalo-Nenets Autonomous District]. Available at: <https://dapk.yanao.ru/activity/1843/> (accessed 10 April 2021) (in Russian).
- Stammler F. (2005) *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*, Muenster: Litverlag.
- Stuckenberger N. (2007) *Thin Ice: Inuit Traditions within a Changing Environment*, Hanover, NH: Hood Museum of Art.
- Tuck B. H., Huskey L. (1986) Economic Growth and Development Strategies for Rural Alaska: A Time to Reconsider. *Contemporary Alaska Native Economies*. Lanham (ed. S. J. Langdon), Lanham, MD: University Press of America, pp. 1–14.
- Tulaeva S., Nysten-Haarala S. (2019) Resource Allocation in Oil-Dependent Communities: Oil Rent and Benefit Sharing Arrangements. *Resources*, vol. 8, no 2, art. 86. Available at: URL: <https://www.mdpi.com/2079-9276/8/2/86> (accessed 15 April 2022).
- United Nations. (2007) *United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples*. Available at: <https://www.un.org/development/desa/indigenouspeoples/declaration-on-the-rights-of-indigenous-peoples.html> (accessed 3 October 2019).
- Williams G. (1985) Population Growth and Migration in Alaska. *Alaska Economic Trends*, vol. 5, no 10, pp. 1–10.
- Wolfe R. J., Ellanna L. J. (1983) *Resource Use and Socio-economic Systems: Case Studies of Fishing and of Fishing and Hunting in Alaskan Communities*. Technical Report No. 61, Juneau: Department of Fish and Game, Division of Subsistence.
- Wolfe R. J., Walker R. J. (1987) Subsistence Economies in Alaska: Productivity, Geography, and Development Impacts. *Arctic Anthropology*, vol. 24, no 2, pp. 56–81.
- Yudin V. (2012) Gosudarstvennaya politika Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa: sotsial'no-politicheskiy analiz [The State Policy of Russia in Relation to the Indigenous Peoples of the North: Socio-Political Analysis]. *The Authority = Vlast'*, no 2, pp. 40–44 (in Russian).
- Zuev S. (2015) Olenevodstvo v Yamalo-Nenetskom avtonomnom okruge: perspektivy i problemy [Reindeer husbandry in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug: prospects and problems]. *Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug = Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, no 3 (88), pp. 62–70 (in Russian).

Zukin S., Dimaggio P. (eds) 1990. *Structures of Capital: The Social Organization of the Economy*, Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.

Received: November 05, 2021

Citation: Gladun E., Nysten-Haarala S., Tulaeva S., Zakharova O. (2022) Ekonomika korennykh narodov v arkticheskikh regionakh: traditsii i transformatsii (na primere Rossii, Finljandii, SShA) [Indigenous Economy in the Arctic Regions: Traditions, Market, State (On the Example of the Transformation of the Economic Activity of the Indigenous Peoples in Russia, Finland, and the USA)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 3, pp. 11–41, doi: [10.17323/1726-3247-2022-3-11-41](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-3-11-41) (in Russian).